

Лидия Чарская. Рассказ из цикла «Записки малюткой гимназистки»

Дети, в наш класс поступает новенькая! Надеюсь, вы радушно примете вашу будущую подругу!

Таисия Павловна, худенькая молодая «дама» третьего класса, со своей обычной, всегда немного грустной улыбкой, заторопилась навстречу высокой представительной директрисе.

Точно по мановению волшебной палочки в классе воцарилась полная тишина. Дверь широко распахнулась, и Ольга Николаевна (имя начальницы N-ской гимназии) вошла в комнату, держа за руку новенькую. На лицах третьеклассниц отразилось самое искреннее изумление. Такой новенькой N-ская гимназия еще никогда не видела в своих стенах. Высокая, плотная, загорелая, с огромными руками и ногами, как-то нелепо вылезавшими из слишком короткого и узкого, очевидно, с чужого плеча, платья, с гладко зачесанными, что называется зализанными, волосами и крупными чертами лица, новенькая внимательно оглядывала класс без малейшей тени смущения и робости.

Гимназистки, в свою очередь, стоя в проходах между партами, после обычного приветствия по адресу начальницы смотрели на новенькую. Она казалась им настоящей великаншей. В третьем классе учились девочки приблизительно от одиннадцати до четырнадцати лет. Вновь поступавшей можно было с успехом дать все семнадцать. И притом это коричневое, грубое, обветренное лицо... Эти огромные руки... Они, скорее всего, подходили какой-нибудь ремесленнице, чернорабочей, но отнюдь не гимназистке.

Маленькая, миловидная, изящная, точно французская статуэтка, Милочка Печалина с нескрываемым ужасом шептала своей соседке, чистенькой и пухлой, как булка, Эмме Вульф:

– Посмотри на нее, Эмма! У нее руки в мозолях, точно у дворника!..
– О, какая громада! Брандмайор какой-то! – брезгливо морщась, роняла в другом углу класса Зина Ракитова, миниатюрная, тонкая брюнетка.
– Я думала, что она в последние классы поступает, а она-с к нашему изволит примкнуть, эта милая крошечка! – насмешливо проронила самая веселая и шаловливая из гимназисток Нюра Смолянская и прыснула от смеха.

Прыснули за ней и ближайшие из ее соседок.

– Крошечка... Нечего сказать, крошечка... Настоящий фельдфебель! – лепетала Милочка Печалина, делая невозможные гримасы.
– Тише, дети, тише! – и вся насторожившись, Таисия Павловна окинула строгим взором класс, призывая его к порядку.
– Mesdemoiselles, Ольга Николаевна желает говорить с вами! Прошу вас быть тише, – возвысив голос, заключила она.

Полное спокойствие воцарилось в классе. Директриса приблизилась к

первым скамейкам, все еще не выпуская руку новенькой, и заговорила, обращаясь к девочкам:

– Вот вам новая подруга, дети! Будьте поласковее с ней. Она приехала сюда издалека, из деревенской глуши, где отец ее служит священником. Вы понимаете, конечно, как тяжело бывает уезжать надолго из родной обстановки и попадать к чужим людям, в незнакомый далекий город, где нет никого из близких и друзей. Вот Даша Крестовоздвиженская находится в таком же неприятном положении. Помогите же ей своим участием. Посвятите ее в свободное от уроков время в наши гимназические правила. Познакомьте с условиями нашей учебной жизни. Надеюсь на вас, дети! Вы уже не маленькие и сумеете облегчить вашей новой подруге ее первые школьные шаги!

Директриса ласково кивнула девочкам и покинула класс. Таисия Павловна вышла проводить ее в коридор. Новенькая стояла одна посреди комнаты, большая, мешковатая, с огромными красными руками, некрасиво повисшими вдоль тела, в своем коротком, куцем платье, и прежними спокойными, нимало не оробевшими глазами, оглядывала своих будущих однокашниц.

Тотчас после ухода начальства девочки высыпали на середину класса, окружили Крестовоздвиженскую и закидали ее целым потоком вопросов.

- Вы, собственно, откуда?
- Из какой губернии?
- Из села или из деревни?
- Большой приход у вашего отца?
- Он давно там священником?
- А братья и сестры есть у вас еще дома?
- Сколько же вам, однако, лет?
- Отчего у вас на руках мозоли?
- Вы и зимою такая же коричневая от загара?
- Что вы делаете, чтобы быть такой румяной?
- А зачем вы так ужасно помадите себе голову?

Вопросы сыпались со всех сторон. Целый град вопросов, серьезных и праздных, атаковал новенькую.

Девочки всматривались в лицо Даши острыми, любопытными глазами, как бы желая видеть ее насквозь.

Хорошенькая Милочка Печалина протиснулась вперед и, презрительно косясь на куцее коричневое платье с огромной заплатой на локте, сказала:

– Но почему же вы не отвечаете нам? Или не хотите удостоить нас ни одним словом?

Даша Крестовоздвиженская подняла на Милочку свои маленькие, как щелочки, глазки:

– Ах, нет, что вы! – сказала она мягким грудным голосом, произнося слова немного на «о», – ах, что вы! Просто я устамши очень. Не могу еще никак отойти с дороги...

«Устамши!..»

Вот тебе раз!

Гимназистка 3-го класса и говорит «устамши», да еще с ударениями на «о», как простая крестьянка! Вот сюрприз-то Алексею Ивановичу будет, учителю русского языка!

– Устамши, не емши, не спамши! – пропела вполголоса насмешница Смолянская, числившаяся с младшего класса первой по русскому языку. Милочка фыркнула. Фыркнули и тоненькая Зина Ракитова, и беленькая Эмма Вульф, и еще двое-трое из самых смешливых.

Крестовоздвиженская не смутилась, однако, и тут. Она тоже улыбнулась, сверкнув на диво белыми красивыми зубами.

– Такая дурная привычка – все не могу отвыкнуть от деревенской речи, – произнесла она с подкупающей простотой, – говорить-то у нас в глуши мало приходилось. Батюшка в поле, а маменька по хозяйству либо с ребятами. Я-то и сама в работе... С нашими деревенскими то на косьбе, то на жатве... Сами работали, по бедности, конечно. Батраков дорого нанимать. Уж вы, пожалуйста, коли что не так скажу – поправляйте, сделайте милость, очень буду вами благодарна.

И совсем неожиданно она низко, по-крестьянски, всем туловищем поклонилась окружавшим ее гимназисткам.

Настроение класса сразу изменилось.

Эта плотная высокая девушка была так нелепа и смешна со своими огромными, в мозолях, руками, зализанной головой и чисто крестьянскими оборотами речи. И в то же время ее низкий, подкупающий мелодично-бархатный голос и эта откровенная, наивная простота трогали невольно и влекли к ней сердца девочек.

Когда Нюра Смолянская попробовала было пройтись насчет того, что она «оченно благодарна за откровенность барышни-крестьянки Крестовоздвиженской, и хоша та и очень устамши с дороги, а все же пуцай не откажется потолковать с девицами...», на Нюру замахали со всех сторон, зашумели:

– Пожалуйста, не остри, Нюрка! Знай меру!

Так что шалунья невольно смолкла, прикусив свой не в меру бойкий язычок. Крестовоздвиженскую усадили на скамейку рядом с тоненькой, хрупкой, аристократичной Зиной Ракитовой, около которой оставалось единственное свободное место.

Голубоглазая, немного надменная, Зина отодвинулась от своей новой соседки на самый край скамьи. Даша почему-то не понравилась ей с первой же минуты, и она, ни мало не смущаясь, подчеркнула это. «Поповна! Деревенская поповна!» – окрестила ее Зина, втайне негодую на судьбу,

предоставившую ей неприятную обязанность сидеть с этой «деревенщиной» во время занятий.

* * *

– Здравствуйте, барышни, здравствуйте! Пришел к вам проэкзаменовать новенькую. Госпожа Крестовоздвиженская, пожалуйста сюда! – улыбаясь и ободряюще покачивая седой головой, говорил инспектор, входя к третьеклассницам.

Девочки торопливо повторяли заданное к предыдущему уроку по физике. Учитель был из «лютых» и требовал твердых ответов по своему предмету. Его боялись и учились у него прилежнее, зная, что у Арсения Ардалионовича очень легко можно схватить «кол».

Но несмотря на всю важность повторения «физикантского» урока, девочки никак не могли себе отказать в удовольствии проследить за экзаменационными ответами новенькой, которая с каждой минутой овладевала все большим вниманием класса.

Действительно, Даша Крестовоздвиженская представляла собой целый ряд сюрпризов и неожиданностей.

Начать с того, что ей, такой высокой, плотной, было всего только четырнадцать лет отроду. Когда она простосердечно своим бархатистым густым голосом заявила об этом, девочкам не хотелось верить... Затем своими «простецкими» словечками: «устамши», «намедни», «маменька» и другими она так добросовестно и даже живописно выложила, стоя у кафедры перед сидевшим за столом инспектором-экзаменатором, всю историю крестовых походов, что третьеклассницы замерли от удивления... Не успели они опомниться от первого впечатления, как их ожидало уже новое. Даша знала по географии, арифметике, русскому языку, естествоведению и Закону Божию безукоризненно все, что требовалось знать для гимназистки третьего класса. Без одной ошибки решила она сложную арифметическую задачу и гладко, не пропустив ни единого знака препинания, написала довольно сложный диктант.

– Прекрасно! Прекрасно! Очень, очень доброкачественная подготовка, – хвалил девочку инспектор. – С кем вы занимались, барышня? «Барышня» сделала круглые от удивления глаза и развела неопределенным жестом свои огромные руки.

– Как с кем? Одна. Маменька в губернский город ездила. Привезла программу, книжки, ну и училась. А задачи с батюшкой делали и в диктовках он тоже пособлял. Вот только жалость: писать как следует не могу... Руки сгубели. Жать приходилось. Работать... Как возьмусь за перо, так уж беспременно руки дрожат, – чистосердечным признанием заключила свою речь новенькая и снова широко, простодушно улыбнулась, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

– Ну и хвастунья же эта новенькая! – перегнувшись к своей соседке Эмме, шепнула Милочка.

– Поповна! Все поповны хвастливые! – ввернула свое слово беленькая немочка Вульф, поводя пухлыми плечами.

– Мне она совсем, совсем не нравится, – подхватила Милочка, – и я удивляюсь, чем пленила она наших, что те накинулись на Нюру, пожелавшую ее «изобразить»...

– А если бы вы знали, барышни, как от ее головы репейным маслом пахнет! Целую банку, очевидно, на себя вылила эта «приехавшая» к нам прелестная девица из деревни! – вставила в разговор двух соседок внезапно вынырнувшая откуда-то шалунья Смолянская.

– И вообще она нечистоплотная какая-то. Вы видите у нее на локте заплату, – послышался презрительный голосок Зины Ракитовой, и она мельком, в стеклянные дверцы шкафа, оглядела свою собственную, затянутую в изящное форменное платье, сшитое у дорогой портнихи, фигурку.

– Ну знаешь, о заплате ты оставь, – вмешалась в разговор проходившая мимо Катя Малиновская, – у меня у самой все заштопано: и юбка, и передник, и чулки, у мамы нет денег на новое, а это мне не мешает следить за собой и мыть руки чуть ли не после каждого урока.

– Пожалуйста, не чванься... Нашла чем! Чистюля! – насмешливо протянула в нос, подражая Кате, Смолянская и звонко расхохоталась заразительным ребяческим смехом.

– Тише! Тише! Или вы не слышите, Смолянская, Арсений Ардалионович хочет говорить с вами, – и Таисия Павловна сделала по адресу шалуньи Нюры строгое лицо.

Арсений Ардалионович действительно хотел говорить о новенькой: она, по его мнению, подготовлена прекрасно. Знает больше, чем следует... Только вот языки.

– Одни языки – французский и немецкий – заставляют желать много лучшего, – с искренним сожалением закончил он.

Крестовоздвиженская прослушала очень спокойно все, что он сказал, как будто речь шла не о ней, а о ком-то постороннем, и опять улыбнулась. Инспектор сошел с кафедры и приблизился к первым партам. Его взгляд встретился со взглядом Зины, и он произнес очень мягко по адресу гимназистки:

– Вот если бы вы, госпожа Ракитова, пожелали помочь новенькой! Вы так сильны по иностранным языкам. Это займет у вас немного времени. Госпожа Крестовоздвиженская, по всем данным, скоро усваивает предметы. Не согласились бы вы помочь ей первое время?

Зина с чуть заметной кислой усмешкой нехотя поднялась со своего места, отвесила инспектору подобающий реверанс и тихо проговорила: у

– Хорошо. Я постараюсь, если успею... Помогу усвоить новенькой заданное к завтрашнему дню.

– Очень, очень мило с вашей стороны, барышня! – и, довольный результатом экзаменов, инспектор вышел из класса.

В коридоре прозвучал новый звонок. Приближался урок физики – самый страшный из гимназических уроков.

В перемену Зина, с видом добровольной мученицы, позвала Поповну, как она, а за ней и многие другие гимназистки-третьеклассницы окрестили между собой новенькую, и небрежно процедила сквозь зубы:

– Я вам объясню французский синтаксис сейчас, если желаете, потом у меня не будет времени.

Поповна охотно согласилась.

– Пожалуйста. Премного буду вами благодарна, – весело произнесла она.

– «Вами»? – насмешливо протянула Зина. – Какой у вас странный оборот речи.

– Так уж привыкли! – добродушно улыбнулась Даша.

«Нет, она неменяемая какая-то!» – возмущалась Зина в глубине души.

– Послушайте, – брезгливо морщась, заговорила она, снова обращаясь к Даше: – бросьте вы ваши мужицкие привычки! Все эти словечки: «приехамши, отъехамши, уснумши, устамши!» Право, это противно и смешно!

– Ах, извините! – смущенно сказала Даша, и все ее и без того румяное лицо запыхало ярче, – уж я попрошу вас, ежели заметите, что не так, поправьте... Я ведь попросту, по-деревенски... и не...

– Нет уж, увольте! – резко оборвала ее на полуслове Зина, – право, у меня нет ни времени, ни охоты для воспитания всяких провинциальных девиц. – И тут же, заметя растерянность Поповны, заключила с каким-то жестоким злорадством: – Ну а сейчас примемся за французский синтаксис, пока учитель физики еще не «пришедши!» – и насмешливо сверкнула на новенькую загоревшимися недобро глазами.

* * *

Было половина третьего. Уроки кончились, и гимназистки с веселым шумом высыпали из подъезда.

Поповна долго и усердно одевалась у вешалки, к большому недоумению гимназического швейцара.

Несколько любопытных, в том числе Нюра Смолянская, Зина Ракитова, Мила Печалина и немочка Вульф, сунули в темный угол раздевалки свои плутовские мордочки.

– Ах! – вскрикнула Милочка, – что это за допотопная фигура!

Из угла вышла Поповна. На ней был плащ в виде тальмы, какой носили в далекие времена бедные чиновницы старухи, обитательницы дальних городских окраин. На голове широкополая, бесцветная шляпка из полинялой соломы со смятыми цветами, сбившимися в одну сплошную кучу. В руках огромный клетчатый зонтик, хотя на улице стояли сухие, почти

жаркие дни осени, и в зонтике, да еще в таком огромном, никакой надобности не предвиделось.

Девочки невольно фыркнули при виде ее костюма.

– Боже мой! Да вы глаза всем выколете вашими полями! Откуда вы выискали такое чудовище? Вот так фасоны времен Очакова и покорения Крыма! – заливаясь безобидным смехом, Нюра Смолянская смотрела на удивительную шляпу новенькой.

– Зачем вы таскаете с собою этого урода? Дождя быть не может! К чему вы взяли этот зонтик?

Эмма Вульф, по привычке пожимая плечиками, ткнула пальцем в злополучный клетчатый зонтик Даши. Не успела ответить Поповна, как перед нею точно из-под земли выросла Зина Ракитова.

– Что хотите делайте, но я не пойду с вами по улице. Это ужас! Ужас какой-то! Маскарад среди бела дня, ведь не святки теперь. Пожалуйста, идите другой дорогой! И завтра же перемените шляпу и тальму. Право, даю вам искренний дружеский совет.

Хорошенькая аристократка говорила еще что-то... Говорила много и долго с каким-то обиженным возмущением, но Даша уже не слышала ее. Румяное лицо Поповны приняло беспокойно-встревоженное выражение. Вихрем закружилась в голове мысль: «Откуда же мне взять-то другое? Откуда? Даром не купишь! Без денег не приобретешь!»

Как все это грустно, однако!.. Разве могли они предвидеть нечто подобное там, в сельце Крошине, с милой доброй маменькой и ласковым отцом? Маменька очень беспокоилась, отпуская сюда Дашу, одну в такую даль, в чужой неведомый Петербург.

– Будем мы тебе, девочка, по пятнадцать рублей высылать ежемесячно, – говорила маменька, – больше никак невозможно. Видишь, сестры и братья растут, и их поднимать надо тоже. Ежели жить толком, аккуратно, то пятнадцати хватит за глаза. Отцу дьякону (у отца дьякона, женатого на школьной подруге маменьки, и должна была жить Даша в Петербурге) двенадцать рублей за угол и за стол платить будешь. Три тебе на мыло, на баню, на марки и на булочки останется... А насчет одежды не сомневайся. Пока что в моей тальме и шляпе походишь. Вещи хорошие... К свадьбе сделаны. Немного и поносить пришлось. Какие же шляпы в деревне!.. А осенью шубку вышлем, из батюшкиной синей рясы сошью. Не сомневайся, девочка!

Да она и не сомневалась, Даша. Ее так сильно влекло учиться сюда, в далекий, чуждый и прекрасный своим просвещенным значением город, что о шубках, тальмах и шляпах она думала менее всего.

И вдруг первый град разочарования обрушился на нее так неожиданно с этой именно стороны.

Когда она ехала сюда, в далекий, но неудержимо влекущий ее Питер, ей, дикой провинциалке, гимназия представлялась чем-то вроде большой,

тесной и дружной семьи, девочки-сестры, девочки-подруги, близкие души, связанные друг с другом общими, живыми интересами... Они занимаются вместе, крепко сплоченным кружком, учатся, читают, помогают друг другу... Все у них общее: и занятия, и досуг... И вот оказывается, что она ошиблась. Ее неуклюжая фигура, ее грубые, в мозолях, руки, ее неподходящий к столичному городу костюм – все это вызывает замечания, неудовольствие и даже насмешки со стороны девочек, к которым так стремилась ее душа. Охваченная тяжелыми мыслями, молоденькая провинциалка, зашагала по каменным плитам тротуара.

Ах, какие улицы, какие здания, какой огромный город! Лишь бы не заблудиться ей в этих бесчисленных улицах и закоулках. Не позабыть бы дорогу к дому отца дьякона!. Небось, в Крошине у них и понятия обо всем этом не имеют...

Крошино...

Выплыли откуда-то знакомые образы, родные сердцу картины. Небольшое бедное село... Широкая синяя речка... Церковь на горушке и их домик в две комнаты с прохладными сенями, с ветхим скрипучим крылечком, окруженный тенистым садом... В саду крыжовник, смородина, малина... За садом огород... Дальше поле... В этом поле, на «батюшкином участке», как называют их десятины крестьяне, работает вся семья. Отец, мать, брат-семинарист и она, Даша... Потом еще Устин, крепкий старик точно с кудельной бородою. Батраков нанимать не на что. Село бедное. Прихожане приносят пустяки. У отца заработок крохотный. Даже младшие члены семьи, десятилетние двойняшки Сима и Саша, помогают вязать снопы, а шестигодовалый Гриша, тот часто ворошит для сушки сено с Устином. Жать, косить ей, Даше, приходится часто. Она любит всем сердцем эту работу. Она – сильная. Недаром ее все принимают за взрослую девицу, хотя ей только что исполнилось четырнадцать лет. «Великанша», – вдруг вспомнилась девочке кем-то брошенная о ней фраза. «Великанша»... Ну и Бог с ними. Пускай называют, как хотят. Что – убудет из-за всего этого от нее, Даши?

Она бойко встряхнула головой и зашагала бодрее, помахивая своим клетчатым зонтиком, стуча по плитам тротуара грубыми сапогами. А внутри, там, далеко где-то, в самых тайниках детского обиженного сердечка, сосало что-то... Какая-то неудовлетворенность, обманутые надежды. Смутно поднималось со дна души какое-то тяжелое, неприятное чувство и росло, росло...

«Ужо вернусь, сейчас же за письмо папеньке с маменькой сяду!

Беспрерывно отпишу, чтобы не беспокоились милые мои старички, – решила Даша, – да всего-то в письме рассказывать не стану. К чему их

беспокоить задаром... Господь с ними, с девочками, пусть смеются! К чему нашим про это знать!»

Выплыли снова милые близкие образы. Вот отец в широкополой, в нескольких местах продырявленной соломенной шляпе, в стареньком заплатанном подряснике, с милой, обычной своей доброй улыбкой на лице... С косой в руках, как простой крестьянин.

Вон темно-лиловый ситцевый, полинялый за десяток лет носки, столько раз перешитый и перекроенный капот матери и ее печально-озабоченное, бесконечнолюбимое, с сетью мелких морщинок лицо.

Вон брат-семинарист Корнилий... А вон малыши Сима, Саша... И любимый бутуз Гришук валяется в сене...

Ах вы, милые, милые, вот бы я вас расцеловала сейчас!

Что-то обжигает глаза, теснит дыхание, щекочет щеку. Что это? Слезы?!

Неужели?! Зачем?!

– Крестовоздвиженская, голубушка, вы плачете, что с вами?

Как вкопанная останавливается посреди тротуара Даша. Неужто здесь, на улице, она разревелась?.. Ах, срамота-то, срамота какая! Около нее чье-то участливое, доброе, ласковое лицо... Глядят из-под круглой фетровой шляпки сочувствующие темные глазенки. Кто это? Ах да, та веселая шалунья девочка, что шутила над нею в классе и назвала ее швейцарской допотопной фигурой. Что ей надо, однако, от нее сейчас? Зачем она здесь? Личико смущенное. Глазки виновато-ласковым взором окидывают Поповну... Маленькая ручка в лайковой перчатке притрагивается к красным, с мозолями, пальцами Даши.

– Милая Крестовоздвиженская, – смущенно лепечет Нюра Смолянская, – прошу вас, не идите так быстро! Мне не поспеть за вами. Едва вас догнала! Бежала все время что есть духу. Вы ходите как скороход, милочка... Я хотела... я решила... мы все хотели, то есть... мы решили извиниться перед вами за Зину Ракизову, то есть за ее поступок! Простите ее, пожалуйста! У нее вырвалось... Она не нарочно. Право, голубушка! Не сердитесь на нее и на нас... Мы никогда, никогда не будем больше смеяться над вами!

Голос Нюры рвется и звенит. Карие глазки с мольбой поднимаются на Дашу.

– Не будем! Никогда не будем! – шепчет она чуть слышно, как провинившийся ребенок, уличенный в шалости.

Румяное лицо Даши становится малиновым. Глаза загораются теплым огоньком.

– Так вот оно что... Ах, вы хорошая, славная, – говорит она растроганно и так крепко сжимает протянутую ручку в лайковой перчатке, что Нюра на мгновение морщится от боли.

Так, держась за руки, близко придвинувшись одна к другой, девочки пускаются в путь. Захлебываясь, Нюра рассказывает своей спутнице:

– Все это случилось, как только вы убежали от нас. У вас было в ту минуту такое убитое лицо, что нам всем стало стыдно. Накинулись на Зину: «Как тебе не совестно обижать новенькую!» Все так и закричали! Зина сконфузилась... Обещала извиниться. Сама созналась, что хватила через край. И все были ужасно смущены... Захотели всем классом догнать вас, но Таисия Павловна вышла, велела расходиться, и я одна побежала за вами. Насилу догнала. Милушка, не сердитесь на нас
И опять милое, виноватое личико заглянуло сбоку под огромную широкополую шляпу Поповны.

– Я сержусь? Да Бог с вами, голубушка! – искренне отвечала Даша. Завязывается оживленный разговор. Даша рассказывает о своем миллом Крошине, о полях, о речке под горушкой, о тенистом саде с целыми зарослями крыжовника и смородины, об отце, матери, сестре, братьях и старом Устине.

Потом говорит Нюра... Говорит про гимназию, про ее порядки, про занятия и шалости гимназисток... В болтовне живо проходит время. Не заметили, как обошли полгорода, прокружили часа два без передышки, очутились на гранитной набережной величавой красавицы Невы.

– Ах, как хорошо! – восторгается молоденькая провинциалка. – Как красиво у вас здесь! Какая река-то, век такой не видывала, право!

– Да, хорошо! – растяжно соглашается Нюра, сто раз уже видевшая знакомую картину. – А где же вы живете? – словно спохватившись, неожиданно осведомляется она.

– У отца Николая на квартире. Это, знаете, у Знамения, в церковном доме.

– Ха, ха, ха! – весело заливается Нюра. – Да ведь это на том конце города, вот так отмахали кусочек! И поздно как уже... Смотрите, сейчас электричество загорится!

И правда, загораются электрические фонари... Город сразу принимает новый, несвойственный ему днем уютно-ласковый вид.

– Ах, что я делать буду?! Меня ждут к обеду дома! Мама беспокоится, верно. Идем скорее, нам по дороге...

Теперь уже девочки не идут, а почти бегут по людным улицам города. Феерично-волшебными кажутся Даше освещенные окна магазинов. А все же променяла бы она всю эту красоту на скромный маленький домик подле церкви там, в селе, на горушке.

На Знаменской, куда проводила Нюра новую товарку, у ворот церковного дома, девочки расстаются. Крепко пожимая руку Крестовоздвиженской, Нюра говорит:

– Послушайте... хотите на «ты»? Ведь мы однолетки... Вы славная такая, простая милая. Давайте подружимся?! Хотите? Хочешь, Даша?

– Ну понятно, стоило спрашивать, понятно хочу!

И прежде, нежели Смолянская успевает это сделать сама, крепкие руки Даши обнимают девочку и губы Поповны прижимаются к ее щеке.

– Ну вот и отлично! Значит, на «ты»... Завтра увидимся в гимназии, – весело роняет Нюра. – И пусть кто-нибудь теперь попробует посмеяться над тобой... Пусть попробует только, – она еще раз наскоро целует Дашу и проворно исчезает за углом соседнего дома.

* * *

Вечер. В квартире отца дьякона ложатся рано: и сама дьяконица Татьяна Андреевна, и обе дочери-барышни, окончившие в этом году гимназию, ту самую, куда стараниями отца дьякона и его супруги удалось поместить Крестовоздвиженскую Дашу.

У Даши в комнате, скорее похожей на маленькую коробочку-угловушку, до сих пор игравшей роль гардеробной и теперь предложенной новой жилище, горит лампа. Даша сидит за столом и учит к завтрашнему дню уроки. Все они легки и возни с ними немного. Вот только французский. Задана басня Лафонтена на французском языке. И французский, и немецкий языки не даются Даше. Готовить их самой было нелегко.

А мать Даши если и учила когда языки в гимназии, то забыла за давностью времени и заботами по хозяйству. Приходилось Даше готовиться ощупью. Некому было исправлять произношение, пояснять непонятное. Здесь, в доме отца дьякона, легче. Старшая барышня Валентиночка с вечера разъяснила Даше завтрашний урок, перевела ей басню. Остается заучить, запомнить. А все же это весьма нелегкая задача!

Лампа освещает крошечную комнатку, стол, страницу стихов и крупную, склоненную над ней Дашину голову... Учиться трудно, запоминается туго. А тут еще так и тянет взять листик почтовой бумаги, обмакнуть перо в чернильницу и унести теплыми прочувственными строками в далекое милое сердцу Крошино, к близким!..

Кончено! Одолена вконец трудная басня. Слава Богу! Теперь за письмо. Скорее, скорее... Даша взяла листок, конверт... Придвинула к себе небольшую баночку с чернилами. Задумалась на минуту. Всего писать нельзя. Нет. Совсем невозможно. Забеспокоятся, встревожатся, будут волноваться за Дашу, подумают, что ее обижают... Ни о насмешках, ни о приеме гимназисток упоминать нельзя. Сохрани Господи! Особенно о насмешках по поводу зонтика, шляпы! А то маменька из сил, как говорится, выбьется, во всем урезать себя станет, а уж накопит как-нибудь денег на новую шляпу, пальто, зонтик... Нельзя допускать этого!

Девочка осторожно обмакивает перо и старательно выводит на тоненьком листке дешевой почтовой бумаги:

«Здравствуйте, дорогой мой папенька, голубушка моя маменька! Слава Богу, благополучно добралась я до Питера и поселилась у отца Николая. Очень мне здесь хорошо. Не беспокойтесь обо мне, родные вы мои!

Комнатка у меня светленькая, сухая, хорошенькая. И дьяконовы барышни

добрые, хорошие, и сам отец дьякон, и матушка совсем как родные отнеслись ко мне. И насчет денег не беспокойтесь также. На все мне хватит! И из платья ничего не высылайте до холодов. Все есть, как следует. Была нынче в гимназии впервые. Очень понравилось! И начальство и девицы. Девицы, видать, добрые, ласковые. Встретили хорошо, показали, что готовить надо, объяснили. А испытания экзаменационные выдержала, слава Богу! Здесь не строго. Одна девица, зовут Нюрочкой Смолянской, подружилась со мной очень. Она ласковая, хорошая. И другая, Зиночка Ракитова, тоже хорошо ко мне отнеслась. По-французски синтаксис объясняла. Такая милая! Как-то вы без меня, мои любимые, поживаете, что малыши наши? Скажите, дорогие мои, Грише, что как приеду летом на каникулы, ему дома здешние нарисую. Огромные, красивые. До свидания, покамест. Горячо целую Ваши ручки и прошу у Вас родительского благословения. Обнимаю Сашу, Симу, Гришука моего. Братцу Корнелию сама в семинарию писать буду. Еще раз прошу благословить всем сердцем любящую Вас покорную Вам дочь Вашу Дарью.

PS. А Питер-город такой прекрасный, что и во сне такой не приснится!»
Так кончилось Дашино письмо.
А о злополучном дне и насмешках девочек – ни слова..